



Русские потеряли в Салтановском сражении, как свидетельствуют строевые рапорта, 2 548 человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести. По донесению Л. Даву его убыль составила около 900 человек. С. Гардые пишет о французских потерях в 1 500 бойцов. Учитывая, что только 85-й и 108-й полки дивизии генерала Ж. Дессе показали потерю в 942 человека, сведения лейтенанта представляются более правдоподобными.

43 офицера и 366 нижних чинов русского пехотного корпуса, наиболее отличившиеся в сражении, получили награды. По сорок знаков ордена Св. Георгия получили солдаты Алексопольского, Ладожского, Орловского пехотных, 6-го и 42-го егерских полков. Имя начальника 12-й пехотной дивизии, с указанием о награждении его орденом Св. Георгия 4-й степени, отмечено на стене мемориала храма Христа Спасителя в Москве.

Островно, 13 июля. Бой при м. Островно Лепельского повета Витебской губернии (ныне д. Островно Бешенковичского района Витебской области) произошел 13(25) июля 1812. Авангардом центральной группировки «Великой армии» (16 батальонов, 41 эскадрон, 40 орудий, всего 18 800 штыков и сабель), атаковавшим здесь русских, командовал маршал И. Мюрат. Противостоящим ему арьергардом 1-й Западной армии (25 батальонов, 35 эскадронов, 78 орудий, ок. 10 500 человек) командовал генерал-лейтенант А. И. Остерман-Толстой.

Отступая под натиском превосходящих сил противника, 1-я Западная армия 24 июня пересекла нынешнюю границу Беларуси и сосредоточилась в Дрисском укрепленном лагере. На состоявшемся там военном совете было решено, соединившись у Витебска с армией П. И. Багратиона, дать французам генеральное сражение. 11-го июля 1-я Западная армия заняла позиции у Витебска.

Центральная группировка «Великой армии», возглавляемая лично Наполеоном, находилась в районе Бешенковичей, ее авангард под командованием И. Мюрата двигался на Витебск. Для того чтобы выиграть время до подхода 2-й Западной армии, М. Б. Барклай де Толли принял решение задержать французский авангард встречным боем. Навстречу Мюрату был двинут 4-й пехотный корпус А. И. Остерман-Толстого, усиленный кавалерией и артиллерией.



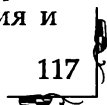
Об Островенском сражении писали несколько его участников, но наиболее ценными представляются «Походные записки артиллериста» И.Т.Радожицкого. В отличие от «золотого пера» наполеоновской армии барона Ж. Марбо, весьма вольно обращавшегося с фактами, русский артиллерийский поручик в своих воспоминаниях объективен и точен даже в деталях. «...13 июля, с 2 часов по полуночи, до света приказано было нашему 4-му Корпусу, ...двинуться по левому берегу Двины навстречу неприятелю, по дороге к м. Островно. С рассветом дня мы тронулись из лагеря. Солдаты крестились для доброго начала, и шли с твердостью».

Другой мемуарист, подпоручик Г.П. Мешетич, также как и И.Т.Радожицкий, служил в 11-й артиллерийской бригаде. «...По диспозиции маршевой, – вспоминал он, – впереди шли два эскадрона лейб-гусар, за ними – конная батарея, два полка пехоты и один егерский, пешая полубатарея и стороною полк драгун». Упомянутый Ингерманладский драгунский полк обеспечивал левый фланг двигавшегося корпуса, правый фланг прикрывался Западной Двиной.

Передовая французская часть (кавалерийская бригада генерала И. Пире) в это время прошла находящееся на почтовом тракте маленькое местечко Островно и двигалась далее к Витебску.

Место предстоящего сражения представляло из себя ровную, слабо всхолмленную и частично заболоченную местность, где поля и луга перемежались с озерами, ручьями, массивами леса и кустарника. «Местоположение Островно, – писал в своих мемуарах адъютант Наполеона граф Ф.де Сегюр, – было весьма выгодным. Оно занимало господствующее положение, откуда можно было видеть, не будучи видимым, кроме того, рядом проходила большая дорога. Слева была Двина, впереди овраг и большую часть окрестности покрывали густые леса».

Первое боестолкновение произошло на рассвете, примерно в 8 километрах от Витебска. По воспоминаниям Г.П. Мешетича «...лейб-гусары, завидя передовые посты неприятеля в лесу, погнались за ними и встречены спешившимися шассерами (конноегерьями – В.Л.) по обеим сторонам дороги пулями». Преследование французов продолжалось почти 15 километров. Гоня и рубя в боевом запале бегущих, русская кавалерия и





поспевавшая за ней конная артиллерийская полурота выскочили из закончившегося в 3-х километрах от Островно леса и, в свою очередь, попали под убийственный огонь французских орудий. Тут же последовала мощная контратака главных сил кавалерийской бригады генерала И. Пире. После яростного сопротивления лейб-гусары и драгуны были сбиты с дороги, опрокинуты, рассеяны и спасались вправо и влево по полям и кустарникам. Следовавшая за ними артиллерия, «...не будучи никем остановлена, подверглась рубке оной, не сделавши и выстрела».

Оказавшись во вражеском кольце, подполковник Д. Ф. Кандиба и его канониры бились за свои пушки отчаянно. Тридцать артиллеристов погибли, одиннадцать попали в плен, прочие, все израненные, с командиром во главе, прорвались к своим. Все 6 орудий были потеряны и это были первые трофеи Наполеона в России. (На следующий день раненого Д. Ф. Кандибу видел в колонне отступающих артиллерийский прапорщик А. К. Карпов: «...шедшего пешком и нес за рукав на плече свой мундир, у него была изрублена в нескольких местах голова»).

Французские гусары и конноегеря были, в свою очередь, остановлены и отброшены подоспевшим Сумским гусарским полком. (В 3-м томе своей знаменитой эпопеи «Война и мир» Л. Н. Толстой посылает в эту контратаку эскадрон Павлоградского гусарского полка под командованием ротмистра Н. Ростова. В действительности же Павлоградцы сражались в составе 3-й Западной армии). В бою наступила небольшая пауза – противники развертывали в боевой порядок свои главные силы. «...Мы приближались, – вспоминал И. Т. Радожицкий, – к месту сражения и видели возвращавшихся Лейб Гусаров в красивых мундирах, под киверами с Императорским гербом, на статных серых лошадях; они ехали шагом, с опущенными поводками, покрытые пылью, иной с перевязанною рукою, другой с окровавленным лицом. ...Десять орудий 3-й легкой роты нашей повернули на месте сражения вправо с дороги, и тут же выстроившись, начали действовать;...Я оставался еще с двумя пушками на дороге без действия, но вот Свитский Полковник подъехал ко мне и велел стать по левую сторону аллеи, указавши там на небольшое возвышение».

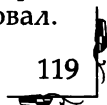


Мюрат рассыпал в стрелковые цепи у поворота дороги от Островно на Витебск всю свою пехоту – 8-й легкий полк. К остальным полкам дивизии А. Дельзона он послал своего адъютанта с приказанием спешить на помощь самым быстрым шагом. За пехотой в две линии выстроились 16 эскадронов 1-й легкой кавалерийской дивизии генерала П. Брюйера. На правом фланге встали 6-й и 8-й польские уланские и 2-й прусский гусарский полки этой же дивизии. На левом фланге в три линии построилась кирасирская дивизия генерала А. Сен-Жермена. «...Дорога тут делает поворот, – записал в своих мемуарах участник боя сержант 2-го кирасирского полка О. Тирион, – и в нескольких шагах впереди этого поворота дивизия Брюйера выстроилась направо от дороги; наша дивизия налево от нее, а дорога нас разделяла». Вперед была выдвинута вся наличная артиллерия, немедленно открывшая огонь по выходящим из лесу русским полкам.

Было около 10 часов, когда на расстоянии пушечного выстрела от позиций Мюрата русский корпус встал по обе стороны тракта в боевой порядок. В первой линии находилась 11-я пехотная дивизия с частью артиллерии корпуса. Вторую линию в батальонных колоннах заняла 23-я пехотная дивизия, имея в центре Сумский гусарский полк и на левом фланге – Ингерманландский драгунский. Оба русских фланга прикрывались заболоченным лесом. Протяженность позиции с севера на юг составляла около трех километров.

Артиллерийская дуэль была продолжительной и очень интенсивной. Только русской 3-й легкой артиллерийской ротой в этот день было выпущено 225 ядер, 120 картечных зарядов, 125 гранат и 15 брендсугелей. Ответным огнем на батареях было разбито одно и подбито два орудия, взорвано пять зарядных ящиков, несколько человек убиты и ранены, перебита половина упряжных лошадей.

Выстроив войска, генерал-лейтенант А.И. Остерман-Толстой послал в атаку против правого фланга французов Ингерманландских драгун. Выйдя из леса полк, как гласит боевое донесение, «...зайдя неприятелю в тыл и во фланг, атаковал два раза и опрокинул неприятеля», т.е. прусских гусар. Однако тут же командир французской бригады Н. Руссель Д'Юрбайль перестроил полки польских улан фронтом вправо и контратаковал.





(Этот лотарингский дворянин только год назад перешел из австрийской во французскую службу и впервые сражался против бывших союзников). После упорной сабельной сечи численно превосходящая наполеоновская кавалерия опрокинула бившихся в полуокружении русских драгун, и они отступили, понеся значительные потери (только пленными 200 человек). Командир Ингерманландцев полковник М. В. Аргамаков получил три сабельные раны и был вынесен с поля боя замертво. В разгар этой схватки маршал послал два кавалерийских полка бригадного генерала И. Пире в атаку вдоль тракта. Они, как вспоминал О. Тирион, «...были встречены очень сильным огнем неприятельской артиллерии, и два батальона пехоты, расставленные четырехугольником и поставленные по обеим сторонам дороги, открыли по ним жаркую ружейную пальбу; поневоле пришлось им вернуться».

Около полудня А. И. Остерман-Толстой предпринял атаку на центр вражеской позиции. Стоявшие южнее тракта три батальона 11-й пехотной дивизии пошли в штыковую атаку на стрелков 8-го полка, но во время движения закрыли собой русскую артиллерию, чем немедленно воспользовался И. Мюрат. Расположившись на вершине возвышенности у тракта, он мгновенно оценил обстановку и своим золотым королевским жезлом послал в контратаку на русскую пехоту 4 полка легкой кавалерии. Они отбросили противника на исходные позиции и даже попытались захватить русские орудия. По воспоминаниям И. Т. Радожицкого, «...французская кавалерия пролетела сквозь картечь всей батареи, ворвалась между орудиями, порубила канониров, схватила в плен офицера, и чуть не увезла двух пушек; но Кексгольмский полк так же хорошо отбил отсюда Французов, как Елецкий и Перновский на левом фланге».

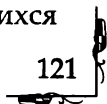
Во второй половине дня командир русского арьергарда предпринял одновременно еще две атаки. Основной удар был направлен в обход правого крыла французской позиции, а два батальона наносили отвлекающий удар по левому флангу. Завязался упорный бой, в ходе которого 9-й шеволежерский полк и кирасиры А. Сен-Жермена отбили атаку на левом фланге, а польские уланы и гусары, отразив атаку нескольких русских батальонов, сами контратаковали.



Обе стороны упорно удерживали свои первоначальные позиции, и бой постепенно свелся к жаркой огневой дуэли. И. Т. Радожицкий с уцелевшей пушкой своего взвода был, очевидно, недалеко от командующего корпусом и наблюдал принятие им решений. «...Подполковник подъехал тогда к Графу Остерману, и стал докладывать ему, что на его батарею много убитых канониров, и есть поврежденные пушки, которые не могут действовать. «Как прикажете, Ваше Сиятельство»? Граф, нюхая табак, отвечал отрывисто: «Стрелять из тех, которые остались». С другой стороны кто-то докладывал Графу, что в пехоте много бьют ядрами людей, не прикажете ли отодвинуться? – «Стоять и умирать!» – отвечал Граф решительно. Еще третий Адъютант подъехал и хотел Графу что-то говорить, как вдруг ядро оторвало у него руку и пролетело мимо Графа. Офицер свалился на лошадь, которая замаялась. «Возьмите его!» – сказал Граф, и повернул свою лошадь. Видя непоколебимое присутствие духа в начальнике, в то время как всех бьют вокруг него, было истинно по характеру Русского, ожесточенного бедствием Отечества. Смотри на него, все скрепились сердцем и разъехали по местам, умирать».

К вечеру на помощь сражающимся начали подходить подкрепления. И. Мюрат прямо с марша направил пехотную дивизию А. Дельзона вдоль Западной Двины в глубокий обход русского правого фланга. Бригадный генерал Л. де Сент-Обен, двигавшийся впереди с 84-м линейным и 1-м кроатским пехотным полком, сражался с русскими не впервые и даже провел один год у них в плену. (В 1799 году, в одном из боев в Швейцарии, бравого капитана захлестнула петля калмыцкого аркана). Имея двойное превосходство в силах, он сумел отгеснить русское прикрытие примерно на 3 километра. Около 23 часов, в уже ступившейся темноте, И. Мюрат остановил наступление, как пишет Ц. Ложье «...из опасности риска углубляться в лес».

К русским на помощь подошел 1-й кавалерийский корпус генерал-лейтенанта Ф. П. Уварова, но командир арьергарда решил не вводить его в дело. Из прибывших, в бою с наседавшим с севера противником смог поучаствовать лишь Лейб-гвардии драгунский полк. «...Два эскадрона пешими и два эскадрона конными, – гласит реляция, – атаковали переправлявшихся





уже неприятельских стрелков по сию сторону речки и, опрокинув назад, удерживали стремление их до самого позднего вечера, а после прикрывали всю ретираду генерала Остермана».

Ожесточенный бой продолжался 17 часов и закончился без ощутимого преимущества для одной из сторон. Связав боем передовые французские части, русские войска сбили темп их наступления, но остановить не смогли.

Штаб-квартиры И. Мюрата и Е. Богарне на ночь разместились в Островно, в окрестностях стали биваками их войска. Оценив обстановку, генерал-лейтенант А.И. Остерман-Толстой ночью отвел свои полки по тракту на 8 километров восточнее. Здесь, у маленькой деревни Куковячино его корпус встал за боевыми порядками 3-й пехотной дивизии генерал-лейтенанта П.П. Коновницына.

Обе стороны понесли в бою значительные потери – примерно по 2 тысячи человек. У русских в числе погибших были командир 1-й бригады 23-й пехотной дивизии генерал-майор М.М. Окулов, 2 старших и много младших офицеров. Весьма чувствительной была утрата 6 орудий (в Бородинской битве вся русская армия потеряла их только 13). Ц. Ложье упоминает в своих записках о 600 русских пленных. В наполеоновских частях наибольшие потери понесли 8-й легкий полк и кавалерийская дивизия П. Брюйера. Кирасирский полк, в рядах которого сражался О. Тирион, только от огня русской артиллерии потерял убитыми 187 человек, а в его взводе «...из 27 человек, составлявших его, у меня осталось только 11 человек». В числе пленных оказался и командир эскадрона 16-го конноегерского полка А. Марбо, старший брат знаменитого мемуариста.

Куковячино, 14 июля. Бой у д. Куковячино Витебского повета Витебской губернии (ныне д. Куковячино Витебского района Витебской области) состоялся 14(26) июля 1812 года. Авангарду главных сил «Великой армии» (34 батальона, 58 эскадронов, 76 орудий, 19 000 человек) под командованием маршала И. Мюрата противостоял арьергард 1-й Западной армии (20 батальонов, 44 эскадрона, 10 казачьих сотен, 60 орудий, ок. 11 000 человек) под командованием генерал-лейтенанта П.П. Коновницына.